

Круглый стол
«Актуальные проблемы изучения античной истории»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2025), 173–183
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2025), 173–183
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-4-90-173–183

**ИНОЗЕМНЫЕ ГЕРОИ ГИБНУЩЕЙ ИМПЕРИИ: ОБРАЗ ГРЕЧЕСКИХ
ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ДАРИЯ III В СОЧИНЕНИИ КУРЦИЯ РУФА**

А.А. Клейменов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-0378

В статье рассматриваются особенности образов служивших Дарию III греческих военачальников в сочинении Квинта Курция Руфа «История Александра Великого Македонского». Определяется, что в отдельных случаях римский писатель относительно точно транслировал материал более ранних источников, которым было присуще противопоставление компетентных и верных греческих командиров завистливым и коварным персидским вельможам, не способным дать отпор Александру. В наибольшей степени эти установки повлияли на представленную в сочинении оценку деятельности Мемнона Родосского и на рассказ об участии фокидянина Патрона в событиях, предшествовавших свержению Дария. Тем не менее Курций Руф имел склонность преобразовывать сведения предшественников, заостряя внимание на проблеме негативного влияния удачи и неограниченной власти на человеческую личность. Следуя своему литературному замыслу, автор не только драматизировал повествование, но также изменял последовательность событий, подгоняя сюжет под уже имевшиеся литературные образцы, приписывал поступки одних персонажей другим, самостоятельно определял мотивы персонажей и содержание их речей. Особенно выпукло эти тенденции проявились в эпизодах, рассказывающих о взаимодействии персидского царя с афинянином Харидемом и сыном Ментора Тимодом.

Ключевые слова: Курций Руф, Дарий III, Клитарх, Персия, наемники, древнеримская литература

Данные об авторе. Александр Анатольевич Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Военное противостояние Александра Великого и Дария III с полным правом можно назвать одним из наиболее известных вооруженных конфликтов древности. Эпохальная борьба за господство над территориями, составлявшими большую часть известной в то время Ойкумены, изучается специалистами под разными углами, однако общей основой для подобной работы являются материалы античной письменной традиции. Именно они, в отличие от археологических свидетельств, эпиграфических материалов и крайне ограниченных источников восточного происхождения, сравнительно подробно раскрывают событийную сторону той войны. Мало того, греко-римская литература выступает фундаментом при исследовании решений и действий не только Александра, но и его персидских оппонентов. В последнем случае извлечение достоверной информации может стать настоящим вызовом. Даже обращение к сообщениям о взаимодействии Дария со служившими ему греками, которое, казалось бы, должно было относительно точно отобразиться в нарративе эллинского же происхождения, требует большой осторожности из-за крайне непростого отношения греческих интеллектуалов к восточным соседям. Мало того, особая аккуратность необходима, если информацию о контактах персидского монарха с его эллинскими соратниками передает такой источник как *Historiae Alexandri Magni Macedonis* Курция Руфа.

Главной причиной подобного отношения является общий характер латиноязычного произведения, созданного в I в. н.э.¹ Как давно констатируется исследователями, труд Курция Руфа носил не исторический, а риторико-назидательный характер, что предопределило искажение имевшихся в распоряжении римского писателя данных раннеэллинистической традиции для достижения главной цели – демонстрации читателю нравственного падения Александра². Литературному замыслу Курций Руф подчинил многое: использовал в работе преимущественно те источники, где раскрывались неприглядные поступки македонского царя³; изменял последовательность событий для получения нужного драматического эффекта⁴; вкладывал в уста персонажей пространные речи, соответствующие нормам римской риторики времен Ранней империи⁵; разбавлял данные историков, непосредственно освещавших Восточный поход, занимательными фактами из сочинений других писателей как более ранних, так и более поздних⁶. К этому можно присоединить стремление приблизиться к образцам высокой римской литературы, приводившее к заимствованиям речевых оборотов и повествовательных приемов из трудов Вергилия, Тита Ливия, Саллюстия и других авторов в ущерб следованию сообщениям первых историков Александра⁷. Так преобразовывался материал раннего нарратива, где историческая действительность, в свою очередь, подавалась через призму культурно-идеологических установок, характерных для интеллектуальной среды IV–III вв. до н.э. Причудливое переплетение специфических черт раннеэллинистического исторописания с результатами литературных усилий са-

¹ Milns 1966, 506–507; Devine 1979, 158–159; Hamilton 1988, 456; Fugmann 1995, 242–243; Baynham 1998, 213.

² Tarn 1948, 91–106; Baynham 1998, 68; Peltonen 2019, 41–42.

³ Hammond 1983, 164; Thomas 2007, 10; Маринович 1993, 42–43.

⁴ Atkinson 1994, 24–25; Müller 2016, 18; Bridges 2018, 48.

⁵ Bosworth 1983, 157–158; Pritchett 1994, 91.

⁶ Heckel 1984, 8–9; Stoneman 2019, 171; Кошеленко и др. 1998, 306–310; Балахванцев 2017, 59–61.

⁷ Steele 1915, 403–417; Albrecht 1997, 1089; Baynham 1998, 20–23.

мого Курция Руфа обнаруживается и в образах греческих военачальников, служивших Дарию III в период его борьбы за сохранение державы Ахеменидов.

К сожалению, нельзя детально установить, каким в *Historiae Alexandri Magni Macedonis* был изображен Мемнон Родосский, являвшийся одним из самых высокопоставленных полководцев греческого происхождения в армии Дария. Этого участника событий, конечно, римский писатель не мог обойти стороной, однако рассказ о действиях Мемнона утрачен из-за неполной сохранности литературного памятника, все известные варианты которого восходят к рукописи второй половины IX в., где не передан материал первых двух книг⁸. Составить представление о созданном Курцием Руфом образе Мемнона позволяют лишь краткие ремарки, присутствующие в третьей книге. В первой из них, связанной с упоминанием смерти Мемнона, отмечается, что Александр очень внимательно относился к его действиям, считая их единственной помехой на своем пути к успеху (Curt. III. 1. 21). Чуть ниже сообщается о смятении, которое Дарий испытал после известий о смерти Мемнона, побудивших монарха к решению о личном участии в сражении с Александром (Curt. III. 2. 1). Описывая предпринятое персидским наместником Киликии Арсамом опустошение местности на пути захватчиков, Курций Руф называет это запоздалым следованием рекомендациям Мемнона, в свое время являвшимися «спасительными» (Curt. III. 4. 3).

Суть излагаемых Курцием Руфом положений хорошо читается при их сопоставлении с другими фрагментами античного письменного наследия. Содержание упомянутого совета Мемнона раскрыто в сочинениях Арриана и Диодора, рассказывающих о совещании сатрапов Малой Азии и военачальников в Зелее, где грек рекомендовал не вступать в сражение с Александром и опустошить страну на пути его армии, что персами было отвергнуто (Arr. Anab. I. 12. 8–10; Diod. XVII. 18. 2–4; cf. Plut. Alex. 18). Особо близка к общему посылу ремарок Курция Руфа оценка Диодора, описывающего родосца как человека, известного своей мудростью в военных вопросах. Еще одно примечательное пересечение выявляется в характеристике последствий смерти Мемнона, которая, согласно Диодору, погубила все дело персидского царя (XVII. 29. 4). Сообщение Курция Руфа о смерти Мемнона схоже и с соответствующим фрагментом составленной Плутархом биографии Александра, где родосец охарактеризован как военачальник, способный доставить македонскому царю более всего трудов и помех (Alex. 18). В свое время У. Тарн, анализируя происхождение сведений Диодора, назвал Мемнона героем его повествования, объяснив это обстоятельство опорой на источник, созданный неким служившим персам греческим наемником. По мнению исследователя, к тем же материалам обращался и Курций Руф⁹. Позже Л. Пирсон, справедливо раскритиковав гипотезу о существовании «мемуаров наемника», предположил, что сообщения о Мемноне Диодор позаимствовал из сочинения Клитарха¹⁰. Как давно установлено, из указанного труда активно черпал информацию и Курций Руф¹¹. Мало того, присутствовала книга Клитарха и среди источников Плутарха¹². Это позволяет согласиться с выводом, согласно которому Курций Руф целиком позаимствовал характеристику

⁸ McKitterick 2004, 28.

⁹ Tarn 1948, 72, 105.

¹⁰ Pearson 1960, 81.

¹¹ Jacoby 1921, 631; Hamilton 1977, 127–128; Prandi 1996, 140–144; Baynham 1998, 58–59; Müller 2016, 14.

¹² Powell 1939, 230; Hamilton 1969, 17–18; Bosman 2024, 359.

Мемнона как единственного возможного спасителя Персидского царства у Клитарха, не прибегая в данном случае к литературным приукрашениям¹³. Впрочем, указания Клитарха на особое значение деятельности родосца не выбивались из общего тона античной историографии. Как справедливо подчеркнул П.А. Брант, восхваление Мемнона имело место не только в сочинениях Диодора и Курция Руфа, но и в труде Ариана¹⁴. Последний опирался на информацию из других источников, взяв сведения о предложении Мемнона, видимо, у Аристобула¹⁵. Во всех случаях репрезентируется рано сформировавшаяся концепция, в соответствии с которой греческие наемники и их командиры играли ключевую роль в армии персидского царя, в отличие от слабых восточных подразделений и некомпетентных азиатских военачальников¹⁶. Курций Руф должен был опираться на тот же конструкт и в своем утраченном рассказе о совете в Зелее, аналогично Диодору (XVII. 18. 4) отмечая, что мудрое предложение родосца персы отклонили из-за своего высокомерия. Согласно обоснованному указанию Дж. Ропа, содержащаяся в сохранившихся источниках сцена с обменом мнениями между греческим военачальником и персами полна искусственно привнесенного драматизма и явно служит как для выставления в дурном свете персов и подчеркивания эллинской доблести, так и для снятия с Мемнона ответственности за поражение в битве при Гранике, от которой он отговаривал¹⁷. Возможно, римский писатель подверг этот яркий и особо показательный эпизод дополнительной обработке. О том, что Курций Руф не довольствовался простым пересказом представленных в его источниках сообщений о взаимоотношениях персов и их греческих соратников, красноречиво свидетельствуют иные образы эллинских командиров, присутствующие в *Historiae Alexandri Magni Macedonis*.

Один из наиболее примечательных отрывков посвящен судьбе афинянина Харидема, о которой Курций Руф рассказывает вслед за описанием сбоя войска Дария, проходившего в Вавилоне накануне битвы при Иссе. Указывается, что Дарий, радуясь виду своего войска, задал изгнанному Александром из родного города Харидему вопрос о возможности одержать победу. Грек, забыв о гордости царя и своем положении, назвал армию, собранную со всего Востока, пышной и способной устрашить соседей. Как сообщается, далее Харидем перешел к рассказу о сильных сторонах македонского войска, описав сокрушительную воле командиров фалангу, дисциплинированность воинов и их готовность к походной жизни, в итоге указав, что для противодействия нужна равная сила в виде нанятых за золото уроженцев тех же земель. Дарий, несмотря на свой обычно кроткий нрав, находился под пагубным воздействием удачливости и отправил Харидема на казнь. Афинянин в ответ заявил, что Александр взыщет с Дария за пренебрежение советом, а сам персидский царь из-за самодурства станет примером человека, напрасно доверившегося удаче. В конце эпизода автор упоминает запоздалое раскаяние персидского монарха, признавшего правоту Харидема и отдавшего распоряжение придать его тело погребению (см. Curt. III. 2. 10–18).

Схожие обстоятельства казни Харидема описывает Диодор. Относя это событие ко времени, предшествующему сбору войск Дария у Вавилона, сицилийский

¹³ Atkinson 1980, 139.

¹⁴ Brunt 1962, 148–149.

¹⁵ Bosworth 1980, 111.

¹⁶ Briant 2007, 790–791; Nawotka 2010, 63; Binder 2021, 467.

¹⁷ Rop 2019, 186–189.

историк сообщает, что храбрый и искусный военачальник Харидем предложил персидскому царю отправить на войну опытного полководца со стотысячным войском, на треть состоящим из греческих наемников. Близкие к монарху люди обвинили Харидема в предательских намерениях, после чего афинянин назвал персов трусами. Как указывается, разгневанный Дарий отдал приказ о казни, а Харидем прокричал о скором раскаянии царя и крушении его царства. Позже успокоившийся Дарий стал жалеть о содеянном (Diod. XVII. 30. 2–6). Очевидная близость свидетельств подтолкнула исследователей ко вполне ожидаемым выводам об использовании общего источника, чья информация у Курция Руфа подверглась переработке¹⁸. Вероятнее всего, изначальная версия и в этом случае была позаимствована у Клитарха¹⁹. Механизм преображения исходного повествования состоял из многих компонентов. В частности, как отметил Ю. Бланшдорф²⁰, позже поддержаный иными специалистами²¹, при описании беседы Дария и Харидема использовалось сообщение Геродота (VII. 101–105) о разговоре Ксеркса с бывшим спартанским царем Демаратором, которому также было предложено оценить потенциал персидского войска, в ответ на что последовал рассказ о доблести спартанцев, обращенный Ксерксом в шутку и не вызвавший его гнева. Сопоставил две беседы сам Курций Руф, а не автор некоего неизвестного источника, как это иногда предполагается²². Сделать данный вывод позволяют и содержание фрагмента, и его умелое вписывание в контекст произведения.

Изначальную версию событий, приведенную в труде Клитарха, к тексту которого, видимо, ближе материал Диодора²³, Курций Руф вплел в сильно измененную линию повествования. Если сицилийский историк изобразил реакцию Дария на предложение Харидема следствием заблуждения, порожденного завистливыми обвинениями и царской гневливостью, а сам конфликт подал в рамках характерной для литературы IV в. до н.э. дихотомии «греки-персы», то Курций Руф, живший в эпоху Ранней империи и исследовавший проблему пагубного влияния удачливости на самодержцев, акцентировал внимание на превращение Дария из мягкого человека в деспота, развращенного собственным положением²⁴. Даже если обличение самодурства полновластных царей и могло просматриваться в тексте Клитарха, Курций Руф явно преобразил и усилил этот мотив²⁵. В отличие от Диодора, римский автор, используя геродотовскую модель, поместил сцену разговора Дария и Харидема после описания смотра войска²⁶. Сделано это было не из-за простого подражания литературному образцу, а в соответствии с общим замыслом произведения. Как убедительно показала С. Мюллер, Курций Руф для демонстрации плавного морального падения деспотов чередовал сообщения об их благородных и жестоких поступках и история с Харидемом не стала исключением, так как непосредственно перед ней Дарий горюет о смерти Мемнона, принимает

¹⁸ Brunt 1962, 154–155; Atkinson 1980, 113–114.

¹⁹ Blänsdorf 1971, 17; Hammond 1983, 117.

²⁰ Blänsdorf 1971, 19–24.

²¹ Heckel 1994, 68; Sears 2013, 296; Holt 2016, 29; Бриан 2007, 215.

²² См. Atkinson 1980, 107.

²³ Heckel 1994, 67–68.

²⁴ Hammond 1983, 117.

²⁵ Baynham 1998, 79–80.

²⁶ Бриан 2007, 215.

решение защищать страну лично, но затем под воздействием зрелища войска преисполняется гордыней, уподобляясь Ксерксу, считавшемуся воплощением высокомерия персидских царей²⁷. Переломным моментом выступил сбор внушительного войска, к описанию которого Курций Руф подошел основательно. Прямой отсылкой к Геродоту является сообщение о подсчете Дарием армии по примеру Ксеркса (*Curt.* III. 2. 2), да и сам стиль перечисления отрядов разных народов и их вооружения (*Curt.* III. 2. 4–10) напоминает соответствующие фрагменты труда «Отца истории»²⁸. Тем не менее простой калькой созданная римским писателем картина персидского войска не была. Приведенная им численность сил Дария в меньшую сторону отличается от данных, передаваемых другими авторами (см. *Arr. Anab.* II. 8. 8; *Plut. Alex.* 18; *Diod. XVII.* 31. 2; *Just. XI.* 9. 1), и явно взята из какого-то неизвестного раннего источника²⁹. Для подчеркивания контраста между армиями Александра и Дария Курций Руф прибегает к типично римской военной терминологии, хорошо понятной его целевой аудитории³⁰. В рассказе о фаланге присутствуют и пышные латинские речевые обороты, перекликающиеся с «Энейидой» и сочинением Тита Ливия³¹. Нельзя не отметить, что Курций Руф не стал полностью менять известную ему из источников канву событий: если Демарат, согласно Геродоту, не подвергся преследованию со стороны Ксеркса, то Харидем в *Historiae Alexandri Magni Macedonis*, как и у Диодора, был казнен³². Тем не менее Курций Руф, поместив вслед за упоминанием расправы сообщение о вверении важных полномочий сыну Ментора Тимоду (III. 3. 1), нашел возможность отчасти повторить финал рассказа Геродота и продемонстрировать смягчение персидского царя после акта жестокости³³.

Представленное в сочинении Курция Руфа повествование о действиях Тимода (Тимонда) также прекрасно показывает, насколько вольно автор обращался с образами служивших Дарию греков. Сообщается, что накануне выдвижения войска Дария навстречу армии Александра в Киликию Тимод вместе с другими греками, прибывшими от Фарнабаза, стал советовать царю отойти назад на просторные равнины Месопотамии или же разделить войска и не допускать вверения всех сил прихоти удачи. Этот совет был неприятен персидским вельможам, обвинившим греков в предательских намерениях и предложившим убить эллинов. Дарий в силу мягкосердечности не принял последний совет, а грекам объявил, что не может последовать их рекомендации из-за нежелания отступать и показаться слабым, нецелесообразности затягивания войны и содержания армии в разоренной и бедной пропитанием стране, а также из-за обычая предков, требовавших держать войско единым (*Curt.* III. 8. 1–9). Других сведений об этой дискуссии нет, при том что упомянутое лицо действительно участвовало в походе 332 г. до н.э.: Ариан также пишет о приказе сыну Ментора Тимонду привести наемников от Фарнабаза (*Anab.* II. 2. 1) и сообщает о его присутствии среди спасшихся после битвы при Иссе (*Anab.* II. 13. 2). Сравнение рассматриваемого фрагмента сочине-

²⁷ Müller 2016, 19.

²⁸ Blänsdorf 1971, 18; Atkinson 1980, 99–100.

²⁹ Brunt 1962, 154.

³⁰ Pausch 2016, 83.

³¹ Blänsdorf 1971, 18.

³² Heckel 1994, 68.

³³ Müller 2016, 20.

ния Курция Руфа с иными источниками не оставляет сомнений в том, что перед нами сюжет, появившийся в результате искусственного объединения разных событий. Прежде всего, нельзя не заметить сходства второй части совета Тимода и ответной реакции персов с соответствующими компонентами рассказа Диодора о судьбе Харидема. Иными словами, Курций Руф повторно использовал данные Клитарха, в этот раз связывав их с другим человеком и не делая отсылок к Геродоту³⁴. Первая часть совета Тимода, подразумевавшая сражение в более удобных землях Месопотамии, совпадает с известной благодаря Арриану и Плутарху рекомендацией не уходить с ассирийских равнин, данной македонским изгнаниником Аминтой и отвергнутой Дарием из-за самонадеянности (Arr. Anab. II. 6. 3–6; Plut. Alex. 20). Как справедливо отметил А.Б. Босворт, Курций Руф смешает события и делает более поздним происшествие, на самом деле имевшее место в Вавилонии, где совет был актуальным и не подразумевал возвращения армии Дария назад³⁵. Этот блок сведений римский автор позаимствовал из сочинения Птолемея, помняв изначально упомянутого Аминту на Тимода (Тимонда)³⁶. Аргументацию Дария для отрицательного ответа писатель сформулировал не менее творчески. Так, доводы, опирающиеся на скучность продовольственных ресурсов, нигде более в освещавших действия Дария источниках не встречаются, однако перекликаются с одним из фрагментов «Анабасиса» Ксенофона (Anab. II. 2. 10–11), откуда, возможно, тезис и был позаимствован³⁷. Кроме того, следуя схеме «нравственных колебаний» и рисуя Дария изначально добросердечным, Курций Руф объясняет его решение обычаями предков, что для римских читателей являлось достойным уважения мотивом³⁸. В итоге всех манипуляций появился не существовавший в реальности военный совет, причем ранний сюжет с очередной отвергнутой персами разумной рекомендацией греков утратил однозначность.

Более явно линия противопоставления превосходных качеств служивших Дарии греков и пороков персов прослеживается в другом уникальном рассказе, присутствующем в сочинении Курция Руфа. Героем этого эпизода является Патрон, в существовании которого также сомневаться не приходится из-за сообщения Арриана, упоминающего, что после битвы при Гавгамелах к бегущему в Мидию персидскому царю присоединились 2 тысячи наемников, возглавляемые фокидянином Патроном и этолийцем Главкомом (Anab. III. 16. 2). Тем не менее об участии Патрона в важнейших событиях последних дней царствования Дария пишет только Курций Руф. Осуществляется это в рамках не имеющего в античной историографии аналогов подробного повествования о смещении Дария Бессом³⁹. Согласно данному фрагменту, в условиях составленного Бессом и Набарзаном заговора возглавляемые Патроном греки были вооружены и готовы выполнять приказы (Curt. V. 9. 14), пугали заговорщиков своей верностью (Curt. V. 10. 7). После демонстрации заговорщиками притворной преданности Дарию Патрон заверил

³⁴ Blänsdorf 1971, 21. Поддержку данного вывода см. Atkinson 1980, 193–194; Heckel 1994, 21.

³⁵ Bosworth 1980, 202.

³⁶ Heckel 1994, 69.

³⁷ Бриан 2007, 225.

³⁸ Müller 2016, 21.

³⁹ В иных нарративных источниках либо лаконично констатируется факт лишения Дария власти и его ареста (Diod. XVII. 73. 1; Just. XI. 15. 1), либо упоминается получение Александром информации о свержении персидского царя (Arr. Anab. III. 21. 1; Plut. Alex. 42).

монарха в верности и предложил поставить царский шатер в лагере наемников, указав, что никто иной с охраной не справится. Как сообщается, Патрон назвал имена заговорщиков и своей попыткой спасти Дария заслужил великую славу (*gloriam tulerat*). Персидский царь ответил, что, несмотря на известную верность греков, не оставит соплеменников и, не желая быть перебежчиком, примет смерть, если персы не хотят его спасения. После этого Патрон вернулся к своим людям, готовый к любым испытаниям ради верности (*Curt. V. 11. 1–12*). Римский автор также указывает, что непосредственно перед арестом Дарий получил от Артабаза совет прибегнуть к помощи Патрона, но царь, готовый принять судьбу, вновь отказался от перехода в стан греков (*Curt. V. 12. 7–8*). О дальнейших действиях Патрона в сохранившемся тексте ничего не сообщается.

Излагаемая Курцием Руфом история участия Патрона в событиях, связанных со свержением Дария, с материалами других античных сочинений не пересекается. Единственным исключением можно считать лишь сообщение Диодора, который, как и Курций Руф, пишет о четырех тысячах греческих наемников, имевшихся у Дария в Мидии (*Diod. XVII. 73. 1–2; Curt. V. 8. 3*), что как минимум свидетельствует об использовании общего источника⁴⁰. Характер рассказа Курция Руфа и его слабая верифицируемость обусловили вариативность присутствующих в историографии оценок. Некоторые из специалистов считают сообщение вполне достоверным, полагая, что, при наличии риторико-литературной обработки, оно восходит к данным, содержавшимся либо в сочинении, написанным одним из греческих «солдат удачи»⁴¹ или даже самим Патроном⁴², либо в работе Клитарха, также опиравшегося на сведения, восходившие к наемникам⁴³. По мнению другой группы исследователей, всё повествование не имеет исторической основы и является результатом вымысла⁴⁴. Оценивая сообщение римского автора о действиях Патрона, необходимо признать, что оно своим характером мало отличается от других фрагментов *Historiae Alexandri Magni Macedonis* и содержит признаки литературной обработки. Рассказ о вмешательстве Патрона выстроен в русле драматической пьесы, так как предложение помочь от благородного эллина поступает сразу после демонстрации коварства заговорщиков⁴⁵. Образ Дария, ставшего заботливым и милостивым правителем лишь после неудач, явно перекликается с созданным Геродотом портретом Креза, вначале ослепленного собственными успехами, но после нанесенного Киром поражения познавшего истину⁴⁶. Приводимые Курцием Руфом упоминания готовности Дария принять судьбу также не уникальны и являются характерной для римской литературы отсылкой к положениям стоицизма⁴⁷. Впрочем, выделенные обстоятельства не мешают полагать, что в основе сообщения Курция Руфа лежат содержавшиеся в раннем нарративе сведения. О последнем говорит не только пересечение численных данных из работ Курция Руфа и Диодора, но и общий характер повествования, в котором в соответствии с установками ранней традиции служив-

⁴⁰ Hammond 1983, 132.

⁴¹ Tarn 1948, 105–106.

⁴² Rzepka 2009, 30–31; Sekunda 2018, 48–49.

⁴³ Schachermeyr 1973, 196; Atkinson 1994, 135.

⁴⁴ Brunt 1962, 153; Бриан 2007, 142–146.

⁴⁵ Jamzadeh 2012, 79.

⁴⁶ Müller 2016, 24.

⁴⁷ Atkinson 1994, 149.

шие Дарию греки представлены в более выгодном свете по сравнению с персами. Вряд ли этот сюжет Курций Руф стал вводить сугубо по собственной инициативе. Как показывает материал уже рассматривавшегося выше эпизода с Харидемом, римский автор, в отличие от Диодора, интересовался не столько дилеммой «эллины-персы», сколько противоречиями единоличной власти⁴⁸.

Подводя итог, следует признать, что Курций Руф в своем сочинении создал несколько ярких образов греческих военачальников, безуспешно пытавшихся спасти державу Ахеменидов от македонского хищника. Все они отражают как характерное для первых историков Восточного похода пренебрежительное отношение к персам, так и творческий почерк римского автора, акцентировавшего внимание на пагубном влиянии удачливости и неограниченной власти на личность. Движимый особым литературным замыслом, Курций Руф трансформировал данные источников, в том числе посредством использования образцов, имевшихся в сочинениях Геродота и римских авторов, приписывал греческим командирам действия иных лиц, целенаправленно драматизировал повествование, самостоятельно определял мотивы персонажей и содержание их речей. Тем не менее нельзя не признать, что все это в *Historiae Alexandri Magni Macedonis* сочетается с передачей ценных сведений ныне утраченной ранней письменной традиции, которые не следует игнорировать при изучении судьбоносной цепи событий, приведшей к кручу древнеперсидской монархии.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Albrecht, M. von. 1997: *A History of Roman Literature: from Livius Andronicus to Boethius (With Special Regard to Its Influence on World Literature)*. Vol. 2. Leiden–New York–Köln.

Atkinson, J.E. 1994: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 5 to 7.2*. Amsterdam.

Balakhvantsev, A.S. 2017: *Politicheskaya istoriya rannej Parfii [Political History of Early Parthia]*. Moscow.

Балахвантцев, А.С. 2017: *Политическая история ранней Парфии*. М.

Baynham, E. 1998: *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. Ann Arbor.

Bielfeldt, H.H. 1951: *Die Quellen der altschechischen Alexandreis*. Berlin.

Binder, C. 2021: From Darius II to Darius III. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Vol. 1. Hoboken, 457–471.

Blänsdorf, J. 1971: Herodot bei Curtius Rufus. *Hermes* 99.1, 11–24.

Bosman, P. 2024: Plutarch's Alexander. In: D. Ogden (ed.), *The Cambridge Companion to Alexander the Great*. Cambridge, 348–363.

Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 1. *Commentary on Books I–III*. Oxford.

Bosworth, A.B. 1983: History and Rhetoric in Curtius Rufus. *Class. Philol.* 78.2, 150–161.

Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake.

Briant, P. 2007: *Darij v teni Aleksandra [Darius in the Shadow of Alexander]*. Moscow.

Бриан, П. 2007: *Дарий в тени Александра*. М.

Bridges, V. 2018: *Medieval Narratives of Alexander the Great: Transnational Texts in England and France*. Cambridge.

Brunt, P.A. 1962: Persian Accounts of Alexander's Campaigns. *Class. Q* 12.1, 141–155.

⁴⁸ л

АФМБдААКн

Devine, A.M. 1979: The “Parthi”, the Tyranny of Tiberius, and the Date of Q. Curtius Rufus. *Phoenix* 33.2, 142–159.

Fugmann, J. 1995: Zum Problem der Datierung der “Historiae Alexandri Magni” des Curtius Rufus. *Hermes* 123.2, 233–243.

Hamilton, J.R. 1969: *Plutarch, Alexander, A Commentary*. Oxford.

Hamilton, J.R. 1977: Cleitarchus and Diodorus 17. In: K.H. Kinzl (ed.), *Greece and the Ancient Mediterranean in Ancient History and Prehistory. Studies presented to Fritz Schachermeyr*. Berlin–New York, 126–146.

Hamilton, J.R. 1988: The Date of Quintus Curtius Rufus. *Historia* 37.4, 445–456.

Hammond, N.G.L. 1983: *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius*. Cambridge.

Heckel, W. 1984: Introduction. In: J. Yardley, W. Heckel (eds.), *Quintus Curtius Rufus. The History of Alexander*. London, 1–16.

Heckel, W. 1994: Notes on Q. Curtius Rufus’ History of Alexander. *AC* 37, 67–78.

Holt, F. 2016: *The Treasures of Alexander the Great: How One Man’s Wealth Shaped the World*. Oxford.

Jacoby, F. 1921: Kleitarchos, 2. *RE* 11.1, 622–654.

Jamzadeh, P. 2012: *Alexander histories and Iranian reflections: Remnants of Propaganda and Resistance*. Leiden–Boston.

Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A., Bader, A.N. 1998: Parfyanskie syuzhety v «Istorii Aleksandra Makedonskogo» Kursiya Rufa [Parthian Stories in “The History of Alexander the Great” by Curtius Rufus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 301–313.

Кошеленко, Г.А., Гаивов, В.А., Бадер, А.Н. 1998: Парфянские сюжеты в «Истории Александра Македонского» Курция Руфа. *ВДИ* 1, 301–313.

Marinovich, L.P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskij (K probleme krizisa polisa)* [The Greeks and Alexander the Great (On the Problem of the Crisis of the Polis)]. Moscow.

Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса)*. М.

McKitterick, R. 2004: *History and Memory in the Carolingian World*. Cambridge–New York.

Milns, R.D. 1966: The Date of Curtius Rufus and the “Historiae Alexandri”. *Latomus* 25.3, 490–507.

Müller, S. 2016: Alexander, Dareios und Hephaistion. Fallhöhen bei Curtius Rufus. In: H. Wulfram (ed.), *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption*. Wien, 13–48.

Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.

Pausch, D. 2016: Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse. In: H. Wulfram (ed.), *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption*. Wien, 73–98.

Pearson, L. 1960: *The Lost Histories of Alexander the Great*. New York.

Peltonen, J. 2019: *Alexander the Great in the Roman Empire, 150 BC to AD 600*. London–New York.

Powell, J.E. 1939: The Sources of Plutarch’s Alexander. *JHS* 59.2, 229–240.

Prandi, L. 1996: *Fortuna e realtà dell’opera di Clitarco*. Stuttgart.

Pritchett, W.K. 1994: *Essays in Greek History*. Amsterdam.

Rop, J. 2019: *Greek Military Service in the Ancient Near East, 401–330 BCE*. Cambridge.

Rzepka, J. 2009: Conspirators – Companions – Bodyguards: A Note on the So-Called Mercenaries’ Source and the Conspiracy of Bessus (Curt. 5.8.1–11). *AHB* 23, 19–31.

Schachermeyr, F. 1973: *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien.

Sears, M.A. 2013: *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*. Cambridge.

Sekunda, N. 2018: Patron the Phocian: a written “mercenary source”. In: K. Nawotka, R. Rollinger, J. Wiesehöfer, A. Wojciechowska (eds.), *The Historiography of Alexander the Great*. Wiesbaden, 43–50.

Steele, R.B. 1915: Quintus Curtius Rufus. *AJPh* 36.4, 402–423.

Stoneman, R. 2019: *The Greek Experience of India: From Alexander to the Indo-Greeks*. Princeton–Oxford.

Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. 2. *Sources and Studies*. Cambridge.

Thomas, C.G. 2007: *Alexander the Great in His World*. Oxford.

FOREIGN HEROES OF THE DYING EMPIRE: THE IMAGE OF DARIUS III's GREEK GENERALS IN THE WORK OF CURTIUS RUFUS

Aleksandr A. Klejmenov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

The specifics of images of Greek military leaders who served Darius III in the work of Quintus Curtius Rufus “Historiae Alexandri Magni Macedonis” is discussed. In some cases, the Roman writer conveyed the material from earlier sources relatively accurately. This narrative was characterized by the opposition of competent and loyal Greek commanders to the envious and treacherous Persian nobles, who were unable to counteract Alexander. To the greatest extent, these ideas influenced the assessment of the activities of Memnon of Rhodes presented in the work and the story about the participation of the Phocian Patron in the events preceding the overthrow of Darius. Nevertheless, Curtius Rufus had a tendency to transform the information of his predecessors. He focused on the problem of the negative influence of fortune and unlimited power on the human personality. Following his literary plan, the author dramatized the narrative. There is also a change in the sequence of events, a change in the plot in accordance with literary patterns, attribution of the actions of some persons to others, independently determined the motives of the personages and the content of their speeches. These trends were especially noticeable in the episodes reporting about the interaction of the Persian king with the Athenian Charidemus and the Mentor's son Thimodes.

Keywords: Curtius Rufus, Darius III, Cleitarchus, Persia, mercenaries, ancient Roman literature